

СЕРГЕЙ ДЫШЕВ

НАЕМНИК

ГАСИЛЬЩИК

Сергей Дышев

Девочка на цепи

«ЭКСМО»

2008

Дышев С. М.

Девочка на цепи / С. М. Дышев — «Эксмо», 2008

© Дышев С. М., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

1-е число. Месяца не было.	5
2-е число того же...	7
2-е число. Дело было днем.	10
Все то же 2-е число, и вечер, однако.	11
2-е число. Поздний вечер.	16
3-е число. День.	18
Уже вечерело.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Дышев

Девочка на цепи

1-е число. Месяца не было.

Это был необычный подвал под обычным жилым многоэтажным домом. И если бы какой-то черт занес тебя сюда, в мокрую темноту среди вырванных плафонов, то ты мог бы в непредсказуемый миг ослепнуть от ярчайшего света осветительного прибора на треноге. И если б ты сдержал крик и мгновенно сократился до размеров крысы, то смог бы тихо оценить и сладострастно вкусить необычайность этого подвала.

Ты бы увидел в углу, в свете «дедолайта», девушку, сидящую на потертом диванном покрывале, с поджатыми под самые губки коленками. Ей не более 19 лет, она привлекательна, возможно, и красива, но страх на ее лице не дает тебе это понять. На девушке – короткое платье с открытыми плечами, в крупный горошек: такое носили бог знает где и когда...

В полумраке полыхает светильник. Ты замечаешь еще одну треногу, они напоминают здесь марсианских чудовищ из романа Г. Уэллса «Война миров», и вот-вот они оживут и пойдут своей изломанной походкой по подвалу, а потом еще и выкарабкаются по лестнице на улицу. На второй треноге головка. Да это ж видеокамера!

Неожиданно из другого темного угла появляется, буквально «материализуется», молодой мужчина. Он молча облачается в пурпурный балахон, на голову надевает такого же цвета колпак с прорезями для глаз. В общем, получается куклуксклановец московских подвалов. Кладет на землю огромных размеров нож.

Ты уже сто раз пожалел, что зашел в этот подвал помочиться. Но теперь уж выхода нет. Чтобы сбежать, надо снова превратиться в обычного жильца, пройти мимо палача и умудриться при этом остаться в живых. Поэтому лучше стерпеть.

Краснобалахонный, по всему, задумал съемки фильма ужасов. Он включил видеокамеру, направил ее своим красным глазком на оцепеневшую пленницу. Он вытащил из сумки, лежавшей на полу, цепь с узорчатыми звеньями. В другой ситуации ее с восторгом приняла бы в подарок и тут же прицепила на пузик или бедрашка какая-нибудь юная металлистка.

Краснобалахонный несуетливо, будто Акиро Куросава, вошел в кадр, обмотал цепью левую руку девушки, замкнул навесным замком амбарных размеров. Второй конец цепи садист-выдумщик прицепил к металлической балке на потолке. И тоже замкнул – смеха ради – самым миниатюрным, просто микроскопическим замочком.

Он взял плетку, приблизился к девушке и неожиданно резко взмахнул у нее перед лицом. Подвальная пленница инстинктивно сжалась, прикрыла лицо руками. Второй удар плеткой был настоящим. Ремешки плетки скользнули по рукам девушки.

Девушка взвизгнула:

– Не бей меня!

– Ты будешь сидеть на цепи, пока не полюбишь меня! – утробным голосом произнесло балахонное чучело. – Но учти, мне не нужны фальшивые чувства!

– Ну, отпусти меня... – заканючила «цепная» девушка.

Лезвие приготовленного ножа отсвечивает стылым холодом. Тебе абсолютно не жалко худосочную жертву мужчины в пурпуре, даже когда он бросает перед девушкой эмалированный тазик, в котором почему-то лежат несколько луковиц, потом ставит ведро с водой. Тебе жутко интересно и столь же страшно.

Он гасит свет. Наваливается крошечная тьма.

Ты понимаешь – это твой единственный шанс. И пулей, не чуя ног, летишь к выходу, как мышь, чудом уцелевшая под гильотиной мышеловки.

О читатель, читальщик, читалло! Мы оставляем тебя в покое до той поры, пока тебе вновь не приспичит справить малую нужду в самом обычном среднестатистическом подвале многоэтажного дома.

А нечего жмотничать, экономя червонец на городском биотуалете!

2-е число того же...

Утро для дежурного по УВД района капитана Шаловливого было явно не мудренее вечера. Ночь прошла спокойно, в обезьяннике привычно клевал носом лупоглазый бомж Валерка Макаров, который очень гордился своей «пистолетной» фамилией, впрочем, не подтвержденной никакими документами. Изолировали его в который раз за то, что он на главной районной площади, причем совершенно в трезвом виде, орал во всю глотку, что ни в жисть не примет участия в президентских выборах. Его забирали, он тут же засыпал на нарах, со счастливой улыбкой единственного диссидента района. Огорчало его лишь то, что до выборов оставалось уже всего ничего.

В общем, дежурство шло к концу. Шаловливый уже предвкушал, как, придя домой, примет душ после смрадной дежурки, съест по обыкновению тарелку борща или супа и завалится часиков на пять на диван.

И вдруг невесть откуда на окошко «дежурной части», как на амбразуру, навалилась дородная утрюмая женщина. Шаловливый в этот момент ощутимо почувствовал, как не хватает воздуха. И порывисто вздохнул. Предчувствие не обмануло его.

– Товарищ дежурный, у меня дочь пропала. Не знаю, что и делать, и телефон ее заблокирован. Меня звать Варвара Борисовна. Фамилия – Шпонка.

– Пишите заявление, – устало сказал дежурный. – Сейчас сотрудника приглашу, расскажете ему все обстоятельства.

Он набрал номер.

– Никита Алексеевич, тут женщина пришла, говорит, дочь пропала... Сколько ей лет? – Шаловливый хмуро глянул на Шпонку: – Сколько?

– Мне? – спросила Шпонка.

– Да не вам!

– Э-это... Девятнадцать.

– Ждите.

Шпонка отлипла от окошка.

Вскоре в вестибюль спустился опер Серега Кошкин, сразу определил потерпевшую.

– У вас дочь пропала?

– Да, – кивнула Шпонка.

– Я – Кошкин, оперуполномоченный уголовного розыска. Пойдемте со мной.

Они поднялись по истертой лестнице на второй этаж, прошли по узкому коридору среди десятка дверей и дошли до кабинета с табличкой: «Савушкин Н. А.».

Кошкин, обозначив стук, вошел первым. Хозяин кабинета задумчиво ругался с кем-то по телефону.

Шпонка поздоровалась.

– Присаживайтесь. Я – Савушкин Никита Алексеевич, зам начальника отдела. Ну, расскажите, что произошло.

Шпонка вздохнула.

– Вчера Маша, как обычно, утром пошла на работу. Она работает парикмахером в салоне. Вечером она обычно приходит домой, садится за учебники, хочет поступить на заочное отделение экономического института. И вот вечером она не пришла. Я всю ночь не спала, переживала... Она девушка не гулящая, правда, скрытная по характеру. – Женщина всхлипнула. – Не знаю, что делать...

– Прежде всего, успокойтесь, – строго посоветовал Савушкин. – В ее возрасте (ей сколько – девятнадцать?) хочется совершать самостоятельные поступки, иногда экстравагантные. Вы искали ее у знакомых, родственников?

- Да я их никого толком и не знаю. В салон позвонила, сказали, на работу не выходила.
- Ну а подруги, парень у нее есть? – подал голос Кошкин.
- Не знаю... – вздохнула Шпонка. – Она была очень скрытная, ничего о своей личной жизни не рассказывала. Все – молчком, молчком.
- Почему *была*? – мрачно поинтересовался Савушкин.
- Ну, это... в смысле всегда была... – смутилась Шпонка.
- Доверительных отношений между вами не было? – с напором спросил Савушкин.
- Шпонка обиделась:
- Почему вы так говорите? Я ее очень любила.
- Почему вы все время говорите в прошедшем времени? – продолжал допытываться Савушкин.
- Вы какие-то странные люди! – возмутилась Шпонка. – Придираетесь к словам, вместо того чтобы немедленно броситься на поиски.
- Бросимся, только покажите, в какую сторону, – мрачно отреагировал Савушкин. – Но ведь вы не знаете ни ее знакомых, ни даже родственников, полагаю так, по линии мужа?
- Да, по линии моего покойного мужа... Они все отвернулись от меня после того, как Олег семь лет назад умер от инфаркта.
- Мы, конечно, найдем и опросим всех ее родственников и знакомых, – уже другим тоном продолжил Савушкин. – Да, и принесите нам ее школьный альбом.
- Хорошо, если найду...
- И запишите, пожалуйста, номер ее мобильного телефона в заявлении.
- Шпонка торопливо написала заявление, протянула Савушкину.
- Никита в свою очередь дал посетительнице квадратный листок.
- Если что-нибудь вспомните, позвоните по этим телефонам.
- А если Маша найдется, не забудьте сообщить, – добавил Кошкин.
- Савушкин бегло прочитал заявление.
- Значит, так, Мария Олеговна Лихолетова. 19 лет. У вас разные фамилии. Дочь не родная? – резко спросил Савушкин.
- Ну как же не родная? – возмущенно воскликнула Шпонка. – Когда умер Олег, я заменила ей мать. Какие же вы черствые люди!
- Работа у нас грубая, так что извиняйте, – холодно заметил Савушкин. – Общаемся с убийцами, насильниками, живодерами. Специфический контингент.
- Вы найдете ее? – Голос женщины дрогнул.
- Будем искать, только принесите хоть какую-нибудь ее фотографию, – сказал Савушкин.
- Шпонка спохватилась.
- Ой, в самом деле... Сейчас принесу...
- Женщина тихо вышла.
- Что-то ты сегодня, Никита Алексеевич, не просто черствый, а вообще как рашпиль, – заметил Кошкин.
- Изя Рашпиль, которого на заре лейтенантской юности я посадил за кражу скрипки из школьного оркестра, был, кстати, милейшим юношей, – заметил Савушкин. – А вот эта мадам, поверь мне, терпит падчерицу лишь потому, что она обладает правами на квартиру, в которой они живут... Давай зови Андрюху, сейчас раскидаем, кому чего отрабатывать. Чует мое сердце, здесь не все ладно.
- Заглянул в кабинет самый юный и разбитной из оперативников – Андрюха Ряхин.
- Савушкин показал на диван:
- Падай.
- Андрей уселся, положил блокнот на колени. Савушкин покосился на блокнот.

– Фабулу Серега тебе расскажет. Значит, пойдешь в школу, где она училась, там найдешь адреса ее одноклассников. Девятнадцать лет девчонке, связи с одноклассниками еще поддерживает. И по списку – всех опроси... Ты, Серега, пойдешь к соседям, аккуратно выясни, как они там – жили не тужили... Ссорились, нет, имеется ли кавалер у мадам? У старушек на лавочке поспрашивай... В наше гнусное время не только прав на квартиру лишают, но и права на существование. И всех их, убиенных, везут из Москвы закапывать к нам в область. А у нас – их раскапывают, и мы получаем глухие «висяки» нераскрытых убийств. Несправедливо...

Кошкин сурово констатировал:

– Зажрались эти москвичи.

– Это мы – обожрались их трупами, – уточнил Ряхин.

– Что-то по тебе не видно, – продолжил тему Кошкин.

– Ну все, ребята, за дело! – прервал треп Савушкин.

Опера ушли. Савушкин в задумчивости потер нос. Он давно заметил за собой, что после этих манипуляций его как бы осеняет и в голову приходят неожиданные идеи. Никита решительно набрал номер телефона.

– Здравствуйте, это Анастасия Иванова? – серьезно спросил он. – Это из милиции. Майор Савушкин. Что вы делаете сегодня вечером?

– Привет, Никита, – отозвалась из трубки Настя. – Что ты сегодня такой официальный?

– Хочу неофициально пригласить тебя на тихий ужин в преддверии запутанной истории, которая, похоже, свалилась на мою шею.

– Сегодня? Ну никак не могу, Никита. Я – ответственная по номеру.

– Обещаю эксклюзив.

Настя вздохнула.

– Согласна, но – завтра.

– Есть еще одна эксклюзивная информация для моей журналисточки.

– Ну, говори, – поторопила Настя.

– Я тебя люблю...

– Никита, извини, мне тут полосы притащили. Созвонимся...

Настя отключилась первой.

2-е число. Дело было днем.

Оперуполномоченный Андрей Ряхин, или, как его звали в УВД женщины, «уполномоченно озабоченный Андрюша», шел в школу, в ту самую, которую сам заканчивал лет семь или уже восемь назад. Он показал удостоверение безликому охраннику, в котором едва узнал выпускника какого-то... года, прошел в кабинет директора.

– Разрешите, Клавдия Порфирьевна? Здравствуйте, я из уголовного розыска. Андрей Ряхин.

Директор вскинула брови, усмехнулась.

– Вижу, что Ряхин. С этого бы и начинал, товарищ выпускник... Из уголовного розыска. Ну, что там случилось, Андрей? Что-то натворили наши дети?

– Нет, ситуация другая, Клавдия Порфирьевна. Пропала ваша выпускница Маша Лихо-летова.

– Ну а мы чем помочь можем? – недоуменно спросила директриса.

– Дело в том, что мачеха, которая ее воспитывала, абсолютно не знает, кто ее друзья, знакомые, одноклассники.

Клавдия Порфирьевна задумалась.

– Да, помню эту девочку. У нее родители рано умерли. Сложный характер... Но очень способная.

Директор повернулась к компьютеру, открыла файл с адресами и телефонами учеников, распечатала на принтере.

– Вот, пожалуйста. Но под вашу личную ответственность, товарищ оперативник.

– Да, конечно... Скажите, а с кем из преподавателей я смог бы побеседовать? Но не сегодня...

– Пожалуй, с классным руководителем – Ларионовой Светланой Васильевной.

– Тогда вы ее предупредите? Приду я или мой коллега.

– Хорошо... Но, только обязательно позвони, когда Маша найдется.

– Конечно, Клавдия Порфирьевна.

Все то же 2-е число, и вечер, однако.

Кошкин, лениво оглядевшись для приличия, вошел в подъезд. В этом типовом доме и проживала пропавшая девушка Маша. Сергей достал блокнот и стал вполголоса читать выписку из домовоей книги: фамилии жильцов и номера их квартир.

– Квартира № 33 – Кухаркин Роман Евгеньевич. Квартира № 34, проживают Шпонка Варвара Борисовна, Лихолетова Мария Олеговна. Мария, Маша, Машенька... Заглянем-ка к товарищу Кухаркину.

Кошкин коротко нажал на звонок. Дверь слепая, глазка нет. В напряженной тишине послышался скрип половицы. Кошкин еще раз даванул на электрическую «пуговку». Стало еще тише. И тогда Кошкин по наитию постучал «условным» стуком: тук-тук... тук-тук-тук. И чудо свершилось: дверь тут же распахнулась. На пороге стоял, шурясь, сосед Маши, Роман Евгеньевич – небритый мужчина лет 45, в клетчатых шортах до колен и темном свитере под горло.

– Ты кто? – подозрительно спросил Роман.

– Свои... – небрежно ответил Кошкин.

– Ну, заходи. Чего-то не припомню тебя.

– Серега я...

– А-а, без очков не узнал. Принес чего-нибудь? А то у меня как в боулинге.

– Это как?

– Шаром покати, – пояснил Роман.

– Так я схожу сейчас.

– Может, и бутылки заодно сдашь? – спросил Роман.

Кошкин отмахнулся от такой перспективы:

– Да у меня хватит...

Ромка тихо прикрыл дверь. Кошкин вздохнул:

– Уцелевший образчик социалистической общности...

В стандартной кухне Ромки Кухаркина имелась видимость холостяцкого уюта: чисто, красиво, никакой грязи. Даже цветочки на подоконнике... Интеллектуальные пристрастия хозяина выдавали лежавшие горкой на полке видеокассеты с надписью на корешках: «Криминальные истории». На столе, как разобранная постель, лежала раскрытая пухлая книга, которую, как видно, Ромка читал еще со школьных времен. Появление гостя привело его в возбужденное состояние, он заложил страницу книги салфеткой, положил ее на подоконник. Напевая старинный шлягер Пугачевой, Кухаркин поставил на плиту кастрюлю с водой, надел очки, лежавшие на столе, достал из ящика картошку, начал ловко ее чистить.

– Серега... Серега... – вслух пробубнил он. – Совсем память отсохла.

Кошкин тем временем успел отовариться в местном продмаге. Подойдя к двери Ромкиной квартиры, вновь постучал условным стуком.

Послышалось жизнерадостное:

– Да открыто!

Кошкин толкнул дверь и прошел на кухню. Выложил из пакета на стол бутылку водки, две бутылки пива, срез ливерной колбасы и буханку черного хлеба...

Роман оценил:

– О, правильно! Водка без пива – это кошунство... Представляешь, Серега, как с женой я развелся, так все дружбаны и перевелись. Как будто забыли мой адрес. Я потом долго анализировал, размышлял... И допер! Им экстрим нужен был. Приходят ко мне: «Тук-тук, жены

нет?» Нет! Садимся, наливаем, закусываем, отдыхаем... А тут звонок – благоверная явилась. Им, Серега, я тебе скажу, в кайф было, как она меня чихвостила. А когда Ритка в ударе была – и пацанам перепало. Со сковородой гонялась по всей квартире. Во, цирк был!

Ромка вздохнул с сожалением.

Кошкин налил по стопарику. Ромка отложил нож и недочищенную картофелину, взял рюмку. Чокнулись.

– Ну, за встречу! – провозгласил Кошкин.

Роман, изящно отогнув мизинец, выпил, будто в рюмке была не водка, а божественный нектар. Выпил – и закашлялся; торопливо запил пивом.

– Не пошло, – констатировал Сергей. Пиво он пить не стал.

– А-га... – выдавил Роман.

Кошкин показал на стопку кассет:

– Увлекаешься?

– А больше смотреть нечего...

– Слушай, Роман, тут, говорят, у соседки твоей дочка пропала?

– Да какая она дочка ей! Падчерица... Спит и видит, как бы ее из квартиры выжить. Привела еще какого-то Чурбана или Курбана... Прижился, паразит... Вот из-за него и все скандалы... У меня в квартире тихо, как в лесу, – все слышно. У нее ж отец лет семь назад умер от инфаркта... А Варька с тех пор родственников мужа, а там мать и брат, то есть Машке – бабка и дядька, так вот, даже на порог не пускает. Боятся, что на квартиру будут претендовать...

– А может, девчонка загуляла? Дело молодое, гормоны...

– Гормоны – у гармониста, – разъяснил Роман. – А Машка – она девчонка серьезная, хочет учиться. Работает в парикмахерской... Я так думаю, Серега, они ее и придушили, а труп в лесу закопали...

– С чего ты взял?

– А у них накануне такой крик стоял, – вполголоса сказал Роман, – что я даже проснулся: чего-то падало, грохот. Даже этот гугнивый Курбан, всегда молчал в тряпочку, а тут свои права стал качать... А потом – гробовая тишина...

Кошкин налил по второй. Роман снова отогнул мизинец и, резво подымая рюмку, зацепил им за ручку кружки; кружка опрокинулась, на стол вылился чай.

– Вот незадача... – сокрушенно сказал Роман, чокнувшись с гостем. – Сегодня утром Варвара обзвонилась, к соседям, ко мне прибежала... Машу, говорит, не видел случайно? Не была у тебя? Откуда – от сырости? Чего ей делать у старого холостяка?

– Ну, давай, чтоб разрулилось, – ввернул Кошкин.

Роман снова привычно оттопырил мизинец.

– Чтоб нашлась...

Он задумался, держа рюмку, тут у него зачесалось в носу, он ковырнул мизинцем, и – беда: водка пролилась ему на шорты.

– Ой-е-е-ей!!! – заорал он, будто на ляжки ему пролился расплавленный свинец.

Глаза у Ромки заблестели: то ли от слез, то ли от начальной стадии опьянения.

– А ты попробуй не оттопыривать, – флегматично заметил Кошкин.

Роман вздохнул.

– Привычка... Мою жену тоже это раздражало. А вообще, Серега, чтоб ты знал, это – тайный знак принадлежности к дворянству.

Роман закашлялся.

Кошкин торопливо налил водку в рюмку. Роман, кивая, поблагодарил, снова оттопырил мизинец.

– Мизинец!!! – закричал Кошкин.

Роман поспешно пригнул палец. Выпили.

– Вот видишь... – наставительно произнес Кошкин, встал из-за стола. – Ну, ладно, Ромка, мне пора.

– А допить?!

– Больше трех нельзя. Служба... – строго пояснил Кошкин.

– Да какая еще служба?

– Да та, которая на первый взгляд как будто не видна, – усмехнулся Кошкин. – Извини, не успел представиться, видишь, попал сразу в твои дружеские объятия. Даже растерялся... Ты, Ромка, живое ископаемое эпохи развитого социализма. Душа и квартира – нараспашку... Я, Ромка, опер из уголовного розыска, Сергей Кошкин.

Кошкин достал удостоверение, протянул ошалевшему Ромке.

– Ну, мужик, ты даешь, – очумел тот. – Я тут... нараспашку... Значит, ты меня колот? Мастак...

Кухаркин обиделся, замолчал, уставился в окно.

– Ну, чего ты обиделся?

Роман поднял вверх палец.

– Я с тобой водку пил! А ты... Нет у вас, ментов, совести...

– Ну, чего ты, в самом деле? – спросил Кошкин. – Ты ж сам меня пригласил!

– А про условный стук откуда узнал? – буркнул Роман.

– Этот условный стук любая девочка из общежития знает, – наставительно пояснил Кошкин. – Которая мальчика ждет.

– Да, лопухнулся... – Ромка почесал затылок. – Ну, давай допьем, что ли?

– В другой раз. А мне сейчас – к твоим соседям. С Курбаном познакомиться хочу.

– Познакомься... Только ты не говори, что у меня был.

– И ты не говори, что опер приходил.

– Заметано, – согласился Роман.

Обменялись рукопожатием. Роман тихо открыл дверь, выпустил Кошкина. Сергей подошел к двери, нажал кнопку звонка.

Дверь тут же открылась. На пороге стоял Савушкин в куртке. Очевидно, только что вошел в квартиру.

– О, как! – изумился Кошкин.

– Тебе чего? – сурово поинтересовался Савушкин.

– Пришел познакомиться поближе.

– Я что тебе сказал? – нахмурился Савушкин.

– Уже был... – тихо ответил Кошкин, кивнув на соседнюю квартиру.

Савушкин по-хозяйски разрешил:

– Ну, заходи...

За спиной у Савушкина молча стояла Варвара.

Кошкин расплылся в дежурной улыбке оперативника.

– Добрый вечер. Можно к вам?

– Добрый... – без эмоций ответила Варвара. – Проходите. Не желаете ли чаю, кофе с котлетами, только с пылу с жару.

– Спасибо, – вежливо отказался Савушкин. – Обойдемся...

Савушкин и Кошкин прошли в комнату и осмотрелись. Все свободное пространство было заставлено, заполнено, завалено ажурными скатерочками, фигурками собачек, кошечек, ангелочков, на стенах висели жуткие репродукции с натюрмортами, и в завершение – положенный по бессмертной моде – сервиз «мадонна» в шкафу за стеклом.

Среди всего этого подавляющего изобилия сыщики не сразу и заметили застывшего в кресле Курбана в черной кожаной куртке. Тут он дернулся, не зная, как поступить: встать или продолжать сидеть, приняв хозяйский вид.

Савушкин, заметив Курбана, тоном, не оставляющим альтернативы, рявкнул:

– А вы кто, гражданин? Документы!

Курбан подскочил, будто получил хорошего пинка, быстро достал из кармана куртки азербайджанский паспорт, протянул Савушкину.

– Курбан Степанович Алиев. – Савушкин хмыкнул.

Курбан торопливо пояснил:

– Папа у меня русский, а дедушка – азербайджанец.

Варвара тем временем шустро заскочила в ванную комнату, скинула халат, достала внушительный флакон с какой-то парфюмерией, опрыскалась со всех сторон, особенно основательно под мышками. Потом резкими движениями поправила прическу, встряхнула грудь, натянула блузку и брюки.

В комнату вошла со свежей улыбкой.

Савушкин и Кошкин принюхались, переглянулись и поморщились: от парфюма Варвары по комнате пошел густой дух.

– Он у вас проживает? – закашлявшись, спросил Савушкин у Варвары.

Варвара с наигранным смущением ответила:

– Он приходит в гости.

– Есть показания соседей, что Алиев проживает постоянно, – внес ясность Кошкин.

– И без регистр-а-ции... – подвел итог Савушкин.

– Мы оформляем документы на постоянную прописку, – тихо сказала Варвара.

– А Мария Олеговна даст согласие? – спросил Савушкин.

– Ну, в принципе, да...

Курбан угодливо поддакнул:

– Она очень привязалась ко мне...

– А вас не спрашивают! – оборвал Савушкин.

– Не из-за этого ли *принципа* у вас в квартире ночью был скандал с криками и грохотом, после которого и пропала без вести Мария Олеговна? – поинтересовался Кошкин.

– Какой скандал? – пожала плечами Варвара и переглянулась с Курбаном.

– Весь дом слышал ваши крики, голос Марии и даже тишайшего Курбана, – с напором продолжил Кошкин. – Есть показания жильцов.

– Это Ромка, филолог занюханный, настучал? – скривилась Варвара. – Да, мы немножко повздорили... Мне же надо устраивать свою жизнь... Годы проходят. Летят, как стая гусей. – Голос Варвары постепенно окреп. – И я вправе выбирать себе спутника жизни без чьих-то указаний и рекомендаций!

– Мне этот дом тоже очень родной стал! – запальчиво воскликнул Курбан. – Здесь часть моей души и сердца! А также – ламинат, там вот – унитаз новый, а еще – кафель на кухне. Даже картины купил! А Маша – она мне как дочка!

– Сколько вы здесь живете? – перебил отческий монолог Савушкин.

– Да не живу я – только в гости прихожу! – уже оправдывался Курбан, размахивая руками. Савушкин, как пасту из тюбика, продолжал выдавливать показания.

– Конкретно?

Варвара и Курбан вновь переглянулись.

– Ну, года три, наверное... – хмыкнула Варвара и пожала плечами.

– Все понятно, – безапелляционно произнес Савушкин. – Значит, вы, вступив в тайный сговор, без согласия Марии Лихолетовой решили прописать в квартиру гражданина Азербайджана Алиева. Это и послужило причиной конфликта, в результате которого почему-то бесследно исчезла ваша падчерица, родителям которой и принадлежала эта квартира. Следова-

тельно, у нас есть все основания предъявить вам, гражданин Алиев, и вам, гражданка Шпонка, обвинение в похищении или же убийстве вашей падчерицы Лихолетовой Марии.

– Это какой-то бред... – опешила Варвара. – Может быть, она у кого-то из родственников? Ну, может, обиделась...

– Не может! – жестко внес ясность Савушкин. – Все родственники и знакомые опрошены. Кстати, мы просили найти школьный альбом Марии...

– Мы все обыскали, но не нашли.

– Есть хоть какие-то фотографии Марии?

– Что самое странное, не осталось ни одной ее фотографии. Даже в детском возрасте.

– Не поторопились ли уничтожить? – напирал Савушкин.

– Да как вы смеете? – взвизгнула Варвара. – У меня от вас голова кругом идет! Вы просто изверги!

– Зачем женщину обижаете? – взялся было заступиться Курбан.

– А вас, Алиев, – Савушкин повысил голос, – мы задерживаем за незаконное проживание в квартире без регистрации... Кстати, мы хотим осмотреть комнату Маши.

– Пожалуйста! – махнула рукой Варвара.

Кошкин и Савушкин прошли в комнату девушки. Тут не было показной «роскоши» мачехи: милые куколки, мягкие игрушки, акварельки на стене, безделушки, открытый учебник, компьютер. Заправленная постель. Подушечки... Девичья...

– Ну, честное слово, она ушла утром, не попрощалась, даже не позавтракала, – взмолилась Варвара. – Ну, не знаю я, куда она пропала.

Варвара подавила спазм, по ее щекам потекли слезы.

– Да, мы сильно поругались. Маша не хотела, чтобы я прописывала Курбана. Но мне в жизни не на кого больше опереться. Я работаю кардиологом в районной больнице. После гибели Олега Машка на мою шею села, так и сидит до сих пор. – Для убедительности Варвара показала рукой.

Савушкин уже не слушал.

– Так... гражданин Алиев, собирайтесь, задерживаем вас в административном порядке. А вам, гражданка Шпонка, завтра к 15 часам прибыть в управление, в уголовный розыск. Со всеми документами.

Савушкин повернулся к Кошкину.

– Фотографию Лихолетовой возьмишь в паспортном столе, будем объявлять в федеральный розыск... А вам, гражданка Шпонка, даю ночь, чтобы вспомнить все подробности... *той ночи!*

Савушкин и Кошкин увели Курбана. На лице Варвары – страх и смятение.

2-е число. Поздний вечер.

Савушкин устало поднялся по лестнице родного дома, позвонил в квартиру. Дверь открыла жена. Никита коротко чмокнул ее.

– Привет, Наташа.

– Привет... – хмуро ответила, принялась сморщилась, на лице – гамма чувств. – Да-а... Ну и вкусы у твоих женщин. Представляю, как они выглядят.

Громко шлепая тапочками, будто замедленно аплодируя, приплыла теща.

– Натик, ну зачем же ты... Ники, наверное, допрашивал особо опасную преступницу, которая пыталась удушить его своей парфюмерией.

– Ближе к истине, Матильда Жановна. Чувствуется жизненный опыт. Были применены отравляющие духи особого назначения.

Наташа бросила ядовито:

– Ты хоть бы душ после нее принял. Простыни там хоть чистые? А то можем выдать комплект...

– А мы на панцирной сетке. Обожаем экстрим...

Наташа не нашла, что ответить, а Никита в скорбной тишине прошел на кухню. На подоконнике на видном месте лежали книги – «Парапсихология» и какой-то детектив – новое увлечение Матильды Жановны. Никита сел за стол, положил рядом мобильный телефон, снял блюдо с тарелки: там покоятся сарделька и холодные макароны. Он рассеянно ткнул вилкой. Неожиданно телефон начал призывно мигать. Никита включил, увидел сообщение, адресат – «НАСТЯ». Никита торопливо прочитал: «Извини, действительно была занята. Не пропадай!»

В кухню вошла теща, заглянула Никите через плечо.

– Кто это, Ники?

– Так, по работе.

Савушкин убрал телефон.

– Ники... – укоризненно начала теща.

– Можно не называть меня этой собачьей кличкой? – устало произнес Савушкин.

– Почему собачьей, Ники? – пораженно спросила теща. – Так, между прочим, императрица Александра Федоровна называла своего мужа Николая Второго.

– Я не император, Матильда Жановна.

– Но это говорит о вкусе.

– Поэтому плохо и кончили.

– Э-э... Никита, скажи мне, что происходит? Ты перестал называть меня мамой.

– Ваше имя звучит для меня, как мелодия: Матильда Жановна... – почтительно ответил Савушкин.

– Иронизируешь?... – догадалась теща.

– Отнюдь.

– У тебя нет никакой личной жизни. А временами ты как ненормальный...

– Мама, когда мне показывают окровавленную тряпку, я превращаюсь в бешеную милицескую собаку. Пока не поймаю зверя... – с этими словами Савушкин вонзил вилку в сардельку. – И сейчас у меня именно такая ситуация... Пропала девятнадцатилетняя девушка. Все признаки похищения или убийства.

– Да? И какие версии? – встревоженно спросила теща.

– Похоже, что причастны мачеха и ее сожитель, – задумчиво ответил Савушкин. – Квартирный вопрос...

– Мне думается, что если бы я только глянула на них, то сразу бы определила, виновны или нет.

Никита покосился на «Парапсихологию» и детектив, лежащие на подоконнике, но от комментариев воздержался.

– Я приглашу вас в качестве понятой. – Никита пристально, даже оценивающе посмотрел на Матильду. – Но никто не должен знать, что вы моя теща.

– Клянусь!

Матильда Жановна положила руку на сердце.

3-е число. День.

В назначенное Савушкиным время в здание УВД вошла Варвара Шпонка. Она тяжело оперлась на подоконник дежурного и продышала в окошко:

– Я Шпонка. Меня пригласили в уголовный розыск.

Дежурный кивнул, Шпонка с кислой миной на лице стала подниматься на второй этаж. Навстречу под конвоем вели Курбана.

– Кубик! – охнула Варвара.

Курбан взвился, насколько позволяло его положение.

– Варвара, ничего не подписывай!

Порывисто вздохнув, Шпонка вошла в кабинет. Трое присутствующих сотрудников занимались каждый своим делом: Савушкин кричал в телефон, Кошкин писал что-то протокольное, а следователь прокуратуры Миша Белозеров, зевая, перелистывал дело.

– Присаживайтесь! – сказал Белозеров, прикрыв ладошкой очередной зевок.

Варвара села и огляделась.

Савушкин удовлетворенно завершил разговор, положил трубку и, не медля, ухватил Варвару в свои «тиски».

– Итак, Варвара Борисовна, вы не отрицаете, что в ночь перед исчезновением Маши у вас произошла серьезная ссора?

– Ну какая там серьезная? – спокойно отреагировала женщина. – Поругались чисто по-бабы...

– Чисто по-бабы – по квартирному вопросу! – возмутился Кошкин. – Крики слышал весь дом...

– То есть вы считаете, что ваша ссора никакого отношения к исчезновению Маши не имеет? – продолжил Савушкин. – Хорошо, тогда куда, на ваш взгляд, она могла деться?

– А вы у соседа, Романа, филолога вшивого, не интересовались? А ведь Маша чуть что, когда поругаемся, когда нахамит мне, так сразу к нему. Не знаю, о чем они там ляды точили... Книжки давал ей всякие умные-заумные читать.

Белозеров скучно поинтересовался:

– У них были интимные отношения?

– Чего не знаю, того не знаю... Хотя не исключено.

Белозеров, снова зевнув, протянул Варваре документы:

– Вот это подписка о невыезде. Подпишите. И ордер на обыск в вашей квартире.

Варвара хмыкнула, подбоченясь:

– И что же будете искать?

– Машу. Кстати, какая у нее группа крови? – ответил Белозеров.

– Не помню.

– Вы же кардиолог! – напомнил Белозеров, заставив женщину стушеваться.

– К-кажется, вторая. Надо посмотреть в мед-книжке, – она тяжело вздохнула. – Вы всерьез думаете, что это мы ее убили и порезали на кусочки?

– Это – вы сами сказали, – бесстрастно ответил Белозеров. – Подождите пока в коридоре... Домой к вам поедем вместе.

Варвара обреченно вышла в коридор, села на стул. Мимо нее на допрос провели соседа Романа. Поздороваться обоюдного желания не возникло, глянули друг на друга волками.

Роман был сейчас с иголочки: лоснящийся, прилизанный, с пробором посередине, в костюме и при галстуке. Первым заглянул в дверь.

– Здравствуйте, господа! По ваши души прибыл. Отставной учитель словесности Кухаркин Роман Евгеньевич. – Увидел Кошкина, перешел на легкую фамильярность: – О-о, товарищ милиционер, всем гражданам пример!

– Присаживайтесь, Роман Евгеньевич, – сухо произнес Савушкин. – Скажите, вы хорошо знали вашу соседку Марию Лихолетову?

– Ну как – знал... – Роман пожал плечами. – Не более как соседку. Еще с детского возраста.

– Она бывала у вас в квартире? – поинтересовался Савушкин.

– Нет. Чего ей делать в квартире старого холостяка?

– А вот ваша соседка Варвара утверждает, что Маша иногда приходила к вам, когда ссорилась с ней.

– Старая змея... – процедил Роман. – Да, приходила, – когда училась в школе. Я помогал ей по литературе и русскому языку. Диктанты писали. Я помог ей открыть Булгакова, Аксенова, Довлатова, Искандера... Ну а сейчас, чем я могу быть ей интересен?

– Простите за прямоту, у вас не было с ней интимных отношений? – спросил вежливо Белозеров.

– Да вы что, ребята?! – Роман округлил глаза. – Она ж для меня всегда ребенком была...

– Как думаете, куда могла исчезнуть Маша? – спросил Белозеров.

– Они и убили ее – из-за квартиры!

– Кто?

– Ясно кто – Варвара и Курбан! – Кухаркин кивнул в сторону Кошкина. – Я же Сереге все вчера как на духу рассказал... Ссорились они все время. А Варька Курбана хочет прописать... Да, теперь уж точно пропишет... – Роман спохватился, прикрыв ладошкой рот. – Только это в протокол не заносите!

Белозеров протянул Роману написанный от руки протокол. Роман достал очки, напустив умный вид, прочитал, расписался на всех листах.

– Мы хотели попросить вас быть понятым на обыске вашей соседки Шпонки, – предложил Белозеров.

– С удовольствием! – расцвел Роман.

– Тогда встречаемся на вашем этаже.

Роман кивнул и вышел. Вслед за ним ушли Кошкин и Белозеров.

Савушкин потянулся к телефону на столе, набрал домашний номер.

– Матильда Жановна, это Никита. Выходите к подъезду, едем на обыск.

– Ура-а!

Теща так бурно отреагировала, что Никита даже отдернул трубку от уха, почесал его и пошел догонять коллег.

Уже вечерело.

В здании УВД зажглись первые окна.

Кошкин сел за руль машины, рядом – Савушкин, на заднее сиденье – Белозеров.

Варвару посадили в отдельный автомобиль.

– Давай, Серега, к моему дому, понятого возьмем, – попросил Савушкин.

Кошкин тронулся, поехали. Вслед тронулась машина с Варварой.

– Ну, и как ты собираешься колоть эту нафталиновую парочку? – спросил Кошкин у Савушкина.

– Пока не знаю. Нужен экспромт.

Когда подъехали к подъезду, теща уже ждала в полной готовности. Она надела черный официальный костюм, очень похожий на судейскую мантию.

Савушкин вышел из машины, открыл дверцу.

– Садитесь, Матильда Жановна.

– Вот это экспромт! – оценил Кошкин.

Теща грузно села на заднее сиденье.

– Здравствуйте, товарищи! О, и Сережа здесь!

– Мое почтение, Матильда Жановна! – почтительно склонил голову Кошкин.

– Как поживает молодая семья?

– Лучше всех, – радостно ответил Кошкин.

– Как Ирусик?

– Занимается тантрической аэробикой.

– Мой приветик ей.

– Всенепременно! – пообещал Кошкин.

...В кабине лифта Кошкину не хватило места, и он рванул по лестнице, да так шустро, что успел встретить коллег у дверей лифта на этаже. Кошкин позвонил в квартиру Романа, на этот раз дверь открылась сразу. Роман еще не успел переодеться, стоял в футболке и трусах.

– Я мигом! – выпалил он.

Шпонка открыла ключом дверь, вошла первой, за ней последовали остальные: Белозеров, Савушкин, Кошкин с портативной камерой и, наконец, теща. Последним вошел Роман.

Белозеров объявил:

– Начинаем процедуру обыска. Производится видеосъемка. Понятые, назовите себя.

Кошкин включил камеру, начал снимать.

Теща гордо подняла голову.

– Луканина Матильда Жановна. Домохозяйка.

Следом назвал себя сосед:

– Кухаркин Роман Евгеньевич, в прошлом – филолог, интеллигент.

– Возражения есть против кандидатур понятых? – спросил Белозеров.

– Есть! – резко отреагировала Шпонка. – Интеллигента уберите. Замените на кого угодно, хоть на бомжа.

Белозеров замешкался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.